

**Российская Академия наук
Санкт-Петербургский Институт истории**

На правах рукописи

Кен Олег Николаевич

**Мобилизационное планирование
в контексте внутренней политики и
международного положения СССР.
1927-1935 гг.**

Специальность: 07.00.02 – отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Санкт-Петербург

2003

Работа выполнена инициативно.

О ф и ц и а л ь н ы е о п п о н е н т ы :

Доктор исторических наук В. С. Измозик

Доктор исторических наук С. Н. Полторак

Доктор исторических наук А. Н. Цамутали

В е д у щ а я о р г а н и з а ц и я :

Республиканский гуманитарный институт

Санкт-Петербургского государственного университета

Защита диссертации состоится “ ____ ” _____ 2004 г. в ____ часов на заседании Диссертационного совета Д. 002.200.01 в Санкт-Петербургском Институте истории Российской Академии наук по адресу: Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского Института истории РАН

Автореферат разослан “ ____ ” _____ 2004 г.

Ученый секретарь Диссертационного Совета

К. и. н

И. В. Куклина

Объект и предмет исследования.

Понятие мобилизации как приведение в активное состояние, сосредоточение сил и средств для достижения какой-либо цели, широко используется для описания общественных процессов, начиная с Нового времени. Опыт революции и гражданской войны, догоняющее развитие экономики, ориентация социальной системы на достижение идеологически заданных целей сделали понятие мобилизации общепринятым в советской практике 20-30-х гг. В этом сказалась и характерная для европейских стран со времени первой мировой войны тенденция к милитаризации социальных процессов. Она отражала новое понимание войны как вооруженной борьбы, в которую включаются все национальные ресурсы и исход которой зависит от их тотального применения. Учет перспектив войны стал постоянным фактором внутренней политики государств, в наибольшей степени заинтересованных в разрушении Версальского миропорядка или его отстаивании, и породил различные формы плановой подготовки к развертыванию вооруженных сил и перестройке хозяйства и государственной администрации на военный лад. Бесспорным лидером в этой области в 20-30-е годы являлся Советский Союз.

Советское оборонное планирование включало три главных компонента: оперативные планы, указывающие сосредоточение и стратегическое развертывание вооруженных сил; мобилизационные планы, определявшие развертывание вооруженных сил, формирование вооруженного фронта и организацию работы тыла; планы строительства вооруженных сил в мирное время. Необходимость предельного напряжения всех людских и материальных ресурсов страны для обеспечения военных действий выдвинула в центр подготовки к будущей войне мобилизационное планирование. Предусматриваемые им возможности определяли как предельные параметры стратегического развертывания и обеспечения последующих операций, так и организацию армии мирного времени. Эти обстоятельства побудили автора сосредоточить внимание на мобилизационном планировании и сделать его *объектом данного исследования.*

Военное планирование усвоило основные принципы большевистской геополитики. Пронизанное идеологией, понимание внутренних и внешних задач СССР тяготело к беспредельно широкому определению потенциального противника. Бу-

дущая война представлялась “столкновением двух различных миров”, “встречей огня с водой” – Армагедонном, которому суждено окончательно разрешить противоречия между социализмом и капитализмом, завершить борьбу между Россией как носительницей новых ценностей и исторически обреченной буржуазной цивилизацией Запада. Когда и при каких условиях это случится, можно было только гадать. Поэтому оборонное планирование базировалось не столько на оценке конкретной угрозы со стороны “ближайших вероятных противников”, сколько на возможностях мобилизации сил стран для достижения предельно амбициозной задачи, даже если она формулировалась как оборона СССР – ведь речь шла об обороне от всего мира.

Одновременно принципиальные изменения претерпело само понятие мобилизационного планирования. Опыт мировой войны показал невозможность ограничить его совокупностью мероприятий по призыву и транспортировке людских контингентов для развертывания армии военного времени и по ее обеспечению ранее накопленными мобилизационными запасами. Новая война – столкновение Союза ССР с империалистической коалицией независимо от конфигурации последней – обещала приобрести не меньший размах, длительность и напряжение, чем война 1914-1918 гг. «Мобилизация во времени еще недавно казалась моментом; новая экономическая мощь человечества дает мобилизации, с точки зрения стратегии, новое измерение» (А.А. Свечин).

Настоятельной необходимостью становилась заблаговременная разработка действий по поддержанию живой силы на требуемом уровне и планирование многоступенчатой мобилизации, подготовки к войне всех экономических ресурсов страны, в первую очередь промышленных и транспортных. Эти составные части мобилизации в ее новом значении взаимно обуславливали друг друга и задавали небывалый масштаб деятельности. Объектом мобилизационного планирования становились не только вооруженные силы и военная промышленность, но и практически все области народной жизни.

Во второй половине 20-х гг. в СССР стала складываться разветвленная система мобилизационной подготовки, включавшая мобилизационные планы вооруженных сил (ядром этих планов являлось мобилизационное расписание), мобилизационные планы промышленности (основанные на мобилизационной заявке), мобилизационные планы союзных и республиканских ведомств. Развитие мобилизаци-

онного планирования направлялось совокупными усилиями военного ведомства, хозяйственных наркоматов и прежде всего решениями высших политических и государственных органов – Политбюро ЦК ВКП(б), Совета Труда и Оборона СССР и его Распорядительных Заседаний (1927-1930 гг.), Комиссии Оборона СССР (1930-1937 гг.). Это обуславливало изначально политический характер решений по мобилизационному планированию, их взаимосвязь с глубокими сдвигами, происходившими в конце 20–начале 30-х гг. в советском обществе под воздействием «революции сверху», и с международным положением и внешней политикой СССР. В результате *предмет исследования* был определен как мобилизационное планирование в его взаимосвязи и соотношении с внутренней и внешней политикой страны, происходившей в ней социально-политической и хозяйственной трансформацией и сдвигами в международном политическом и стратегическом положении СССР.

Хронологические рамки и цель исследования.

Хронологические рамки диссертационной работы отражают логику предмета исследования. Решающий сдвиг в формировании системы мобилизационного планирования относится к 1927 г., причем именно тогда впервые явственно обозначилась его связь с кардинальными направлениями внутренних преобразований и внешней политики СССР. В середине 1930-х гг. советские оборонные приготовления вступили в новый этап, одновременно назревал социально-политический кризис («Большой террор» 1936-1938 гг.).

Соответственно *целью исследования* является анализ и оценка развития советского мобилизационного планирования в международно-политическом и внутреннем контексте в 1927-1935 гг.

Историография. В своей установке на комплексный анализ процессов принятия политических решений в различных взаимосвязанных областях – планирование развития вооруженных сил на мирное и военное время, хозяйственное развитие (страны в целом и военного производства в частности), укрепление социально-политической основы советского режима, изменение международного положения и советского внешнеполитического курса – предлагаемая работа близка обобщающим

трудам Института военной истории Министерства обороны СССР¹. Тем не менее, эволюция планов войны, в частности, мобилизационного планирования, и связанных с ними проблем в этих трудах (как и в других общедоступных работах советских военных историков²) никогда не рассматривалась. По свидетельству генерал-полковника Горькова, в середине 1990-х гг. впервые представившего краткие сведения о структуре оперативных планов 1924-1936 гг., несмотря на то, что «всестороннее исследование вопросов планирования войны очень важно для объективной оценки причин возникновения войны, подготовки к ней государств и армий, планов сторон, анализа хода войны, ее уроков и выводов», «вопросы принятия решений и их документальное оформление по многим причинам объективного и субъективного порядка глубоко не исследованы»³. В итоге советским историкам не удалось создать сколько-нибудь полного очерка истории вооруженных сил и подготовки страны к войне в середине 20-х–30-е гг. Тем не менее, указанные обобщающие работы, а также исследования по отдельным проблемам (подготовка кадров, техническое перевооружение, партийно-политическая работа) и историко-справочные публикации⁴ позволяют выделить основные вехи в развитии вооруженных сил и военно-экономического потенциала СССР, а также увидеть некоторые проблемы, имеющие непосредственное отношение к мобилизационному планированию (в особенности, «раннее перевооружение» РККА в начале 30-х гг.).

Чрезвычайное внимание к проблемам военной теории, которое со времен гражданской войны проявляли советские специалисты, нашло свое отражение и в многочисленных исторических исследованиях. При этом некоторые авторы предприняли анализ работ, посвященных военно-экономической подготовке страны, обеспечению мобилизационной готовности вооруженных сил и страны в целом. В исследовании И.А. Короткова были отмечены узловые проблемы дискуссий о мобилизационной подготовке – каково оптимальное соотношение между накоплением мобилизационных запасов и экономической мобилизацией, в каких масштабах и

¹ См.: История второй мировой войны. 1939-1945: В 12 т. Т. 1. Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира. Т. 2. Накануне войны. М., 1973-1974; 50 лет вооруженным силам СССР. М., 1968 и др.

² См., в частности: Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924-1925 гг.). М., 1958.

³ Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 году // Другая война: 1939-1945 / Под общей ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 158.

⁴ Особенно существенными среди них для данного исследования явились работы военных историков В. Данилова и А. Рыжакова.

какими темпами должно производиться перевооружение в предвоенное время, каковы стратегические последствия принятых на этот счет решений⁵. Однако эти вопросы не получили детальной и последовательной трактовки, теоретические положения и взгляды специалистов (П. Каратыгина, С. Вишнева, В. Дунаевского и др.) не были соотнесены с изменениями в практике мобилизационного планирования в 20-30-е гг.

В работах западных авторов, посвященных военной стратегии и военно-экономическим проблемам СССР размах и значение мобилизационного планирования вплоть до середины 1990-х гг. сильно недооценивались⁶. При отсутствии в этот период работ по проблемам советского мобилизационного планирования 20-30-х гг. (что отчасти объясняется недоступностью основных источников) особого внимания заслуживает исследование Ж. Сапиром динамики и структуры советских оборонных приготовлений. Сопоставление официальных взглядов, отраженных в многочисленных публикациях 20-х гг. по проблемам мобилизационной подготовки, со сведениями о производстве вооружений в 30-е гг. привело его к выводам о необходимости различать в советской традиции военного строительства два основных периода. Если в период нэпа «военный механизм был принесен на алтарь экономического роста», то весной-летом 1930 г. происходит полная смена парадигмы оборонной политики. От развития производственных мощностей в СССР перешли к массовому производству вооружений и накоплению военных запасов. В результате произошло возвращение к «парадоксальному милитаризму» времен царизма – к милитаристской политике, инициированной и проводимой гражданским политическим руководством⁷. Ни датировка, ни оценка масштабов изменений не подтверждаются современными исследованиями, однако главная мысль французского исследователя оказалась исключительно плодотворной. Перемены в оборонной политике Ж. Сапир связал с разработкой идеи скоротечной наступательной войны, а также обратился к новаторским работам М. Левина о функционировании советской системы в период первых пятилеток, в которых был, в частности, сформулирован

⁵ *Коротков И. А.* История советской военной мысли: Краткий очерк. 1917–июнь 1941. М., 1980 (в особенности, глава 6). См. также: *Очерки советской военной историографии* / Под ред. П.А. Жилина. М., 1974.

⁶ См.: *Harrison M.* Soviet Planning in Peace and War 1938-1945. Cambridge, 1985, *Glantz D. M.* The Military Strategy of the Soviet Union: A History. Ft. Leavenworth (KS), 1992.

⁷ *Sapir J.* The Soviet Military System. Oxford: Oxford Univ. Press, 1991. P. 226-236.

тезис о несоразмерности (*démésure*) как характерной черте сталинского хозяйственного управления, преодолевающего хаос путем хаотичных и несбалансированных решений. Другой концептуальный подход (заимствованный у Б. Шаванс – автора «Социалистического капитала» (1980)), позволил оценить накопление вооружений при сравнительном невнимании к развитию военной инфраструктуры и боевой подготовки как проявление «вещного фетишизма» в советском мышлении и практике тех лет. Обращаясь к фигуре Тухачевского, Ж. Сапир предложил рассматривать его не только как блестящего военного теоретика – «жертву сталинизма», но и как «представителя сталинской идеологии», не сумевшего «адаптировать отстаивавшиеся им концепции к социальным и экономическим реалиям своей страны»⁸.

Переходя к российским и зарубежным работам последних полутора десятилетий, следует отметить появление новаторских исследований по военно-экономическому планированию, истории военно-промышленного комплекса и военному строительству в 20-30-е гг. и растущее понимание историками того влияния, которое оказывало мобилизационное планирование на развитие народного хозяйства СССР. К сожалению, несмотря на признание, что «организационно-мобилизационная основа – квинтэссенция военной реформы»⁹, вопросы мобилизационного планирования 20-30-х гг. в работах высокопоставленных представителей Министерства обороны РФ фактически не затрагивались¹⁰.

Основные достижения в изучении общих проблем оборонных приготовлений СССР и, в частности, мобилизационного планирования на основе аутентичных документальных материалов связаны с именами Л. Самюэльсона, Н. С. Симонова и Д. Р. Стоуна, сосредоточивших свое внимание преимущественно на экономических аспектах подготовки к войне. Для данного исследования особое значение имеют публикации шведского историка Л. Самюэльсона (Стокгольмская школа экономики), который стал первым исследователем проблем военно-промышленной мобили-

⁸ Ibid. P. 44-57.

⁹ Золотарев В.А. Военная безопасность государства Российского. М., 2001. С. 144. Аналогичное мнение высказано Начальником Организационно-Мобилизационного Управления Главного Штаба ВМФ Н.И. Мазиным в предисловии к книге И.Ф. Цветкова (см. ниже).

¹⁰ Золотарев В. А. Указ. соч.; Кокошин А. А. Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль. 1918-1991. М., 1995. Автор не имел возможности ознакомиться с защищенными в 1990-е гг. диссертационными работами полковника Н. И. Дорохова, посвященными проблемам оборонного планирования (эти работы остаются на секретном хранении).

зации в СССР середины 20-30-х гг.¹¹ В этих работах на основе документов партийного руководства и союзных ведомств (Наркомата по военным и морским делам, Государственной плановой комиссии и др.) были, во-первых, определены общие очертания системы формирования планов военно-экономической мобилизации. Во-вторых, Л. Самюэльсон проанализировал как теоретические взгляды, так и практические подходы к мобилизационному планированию, впервые осветил столкновение позиций Тухачевского и Ворошилова по этой проблеме. В-третьих, работы Л. Самюэльсона позволили составить представление об основных показателях и динамике планов военно-промышленной мобилизации, а также о масштабах производства вооружений в середине 20-х – конце 30-х гг. Наконец, в сферу анализа были включены новые материалы о менявшейся оценке внешних угроз, предпринята попытка установить корреляцию между сдвигами в международном положении СССР, их оценками в документах Штаба РККА и эволюцией военно-экономического планирования.

Новаторское исследование Н.С. Симонова посвящено реализации перспективных и текущих планов развития военной промышленности¹². При этом Н.С. Симонов использовал фонд Государственного Комитета Обороны СССР (ГА РФ), что существенно расширило фактическую базу представлений о военно-экономическом планировании. В последующем Н.С. Симонов подробнее разработал вопрос об организации мобподготовки промышленности и структуре ее мобилизационных планов¹³. Богатые фактическим содержанием, работы Н.С. Симонова недостаточно учитывают современный историографический контекст. Отличающий его монографию широкий хронологический охват имел своим неизбежным следствием сужение проблемного поля, в частности, невнимание к политической и военной мотивации решений о развитии военно-промышленного комплекса в 30-е гг.

¹¹ *Samuelson L. Soviet Defence Industry Planning: Tukhachevskii and Military-Industrial Mobilisation. 1926-1937. Stockholm, 1996; Idem. Mikhail Tukhachevsky and War-Economic Planning: Reconsideration of the Pre-War Soviet Military Build-Up // The Journal of Slavic Military Studies. 1996. Vol. 9. No. 4. P. 804-847; Самюэльсон Л. Красный колосс: Становление военно-промышленного комплекса СССР, 1921-1941. М., 2001.*

¹² *Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 20-50-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.* Наряду с Н.С. Симоновым проблемы развития советского ВПК 20-30-х гг. исследовали А.Н. Щерба (военная промышленность Ленинграда) и М.Ю. Мухин (источниковедение ВПК, управленческие структуры самолетостроения и др.).

¹³ *Simonov N. Mobpodgotovka: Mobilization Planning in Interwar Industry // The Soviet Defence-Industry Complex from Stalin to Khrushchev / Ed. by J. Barber and M. Harrison. Houndmills etc., 2000.*

Напротив, сфокусированное на узком временном отрезке 1926-1933 гг. монографическое исследование Дэвида Р. Стоуна (Университет Канзаса) создает детальную картину взаимодействия важнейших военных и экономических органов, принятия и реализации решений по развитию военной промышленности, оборонных приготовлений в целом¹⁴. Тщательное изучение архивных коллекций сочетается у Д. Стоуна с широким видением проблемы милитаризации советского общества и с изучением взаимосвязи между мобилизационными решениями и внутренними и внешними заботами советского руководства. Он показал, что движение ко все более амбициозным мобилизационным планам, увеличение военных ассигнований и возрастание роли Красной Армии в определении хозяйственной политики было обусловлено решениями высших партийных и государственных органов и вместе с тем «поддержано и ускорено менее очевидными системными следствиями», вытекающими из характера советских политических и экономических структур¹⁵. Решающий сдвиг к милитаризации СССР предстает в работе Д. Стоуна в значительной мере функциональным следствием напряженности во взаимоотношениях армии и промышленности при решении проблем военного производства в мирное время и экономической мобилизации¹⁶.

Наряду с отмеченными фундаментальными работами, недавно появились публикации А.А. Мелия¹⁷, в которых представлен значительный документальный материал (в том числе из остающихся секретными фондов ГАРФ и РГВА) о мобилизационных приготовлениях государственного аппарата. Некоторые сюжеты, непосредственно примыкающие к основной проблематике диссертации, рассмотрены историками военно-морского флота. В своем масштабном исследовании И.Ф. Цветков подробно рассмотрел развитие организационных структур и принципы мобилизации Рабоче-Крестьянского Красного Флота в 20-30-е гг., сделав одновременно ряд замечаний о структуре и содержании мобилизационных планов, подготовлен-

¹⁴ Stone D. R. Hammer and Rifle: The Militarization of the Soviet Union. 1926-1933. Lawrence (KS), 2000.

¹⁵ Ibid. P. 157.

¹⁶ Ibid. P. 162.

¹⁷ Мелия А.А. Положение о подготовительном к войне периоде. 1913 г. и 1926 г. (сообщение) // Объединенный научный журнал. 2002. № 16. С.55-63; Он же. Становление эвакуационного планирования как элемента мобилизационной подготовки экономики (1921-1928 гг.) // Экономика и финансы. 2002. № 2. С.37-62. А.А. Мелией также опубликованы подробные данные о производстве техники, вооружения и боеприпасов в 1929-1941 гг. (<http://www.military-economic.ru>).

ных Штабом РККА с 1922 г.¹⁸ В.Ю. Грибовский, опираясь преимущественно на материалы РГА ВМФ и РГАЭ, представил комплексный анализ развития советского военного флота до Великой Отечественной войны, осветив при этом историю морских программ, принимавшихся Советом Труда и Оборона и Комиссией Оборона СССР¹⁹.

Для современного состояния историографии по проблемам мобилизационного планирования в целом характерно сосредоточение внимания на экономических аспектах. В результате они рассматриваются отдельно от динамики и условий развития самого военного аппарата – Красной Армии. Знакомство с процессами оборонного планирования указывает, однако, что мобилизационная заявка НКВМ (которая служит отправным пунктом большинства упомянутых выше фундаментальных работ) являлась проекцией на область военно-экономической работы базовых разработок – планов строительства РККА на мирное и военное время. Комплексность подхода к оборонным приготовлениям, присущая нынешней дискуссии о советской политике и стратегии, состоянию вооруженных сил и военных планах накануне Отечественной войны, применительно к предшествующему периоду проявляется гораздо слабее. С другой стороны, исследователи периода 1939-1941 гг. поневоле оказываются в положении читателей, которым досталась книга, в которой большинство начальных глав представлено лишь немногими разрозненными страницами²⁰.

Особое значение для понимания механизмов эскалации мобилизационных приготовлений имеет изучение международных кризисов конца 20-х–30-х гг. Л. Самюэльсон склонен с доверием относиться к тогдашним свидетельствам военных специалистов, обычно обосновывавших свои растущие запросы ссылками на осложнение международного положения СССР (что сближает этого историка как с авторами официальных советских работ, так и с ведущим исследователем советской

¹⁸ Цветков И.Ф. Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры Военно-Морского Флота России (1695-1945). СПб., 2000 (глава 4).

¹⁹ Грибовский В.Ю. и др. История отечественного судостроения. В 5-ти томах. Т. 4. Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны 1925-1945. СПб., 1996 (главы 1 и 9). Подготовленные В.Ю. Грибовским главы этого коллективного труда отчасти дополняют работы Ю.Н. Березовского и других историков ВМФ, отчасти опираются на них (см., в особенности: Березовский Н.Ю. и др. Боевая летопись ВМФ. 1917-1941. М., 1993).

²⁰ Понимание этого обстоятельства присутствует, в частности, в упомянутых выше работах Ю.А. Горького, в первой книге Г. Городецкого на эту тему (*Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне*

экономики эпохи первых пятилеток Р. У. Дэвисом). При этом он приводит данные о том, что «военная тревога» 1927 г. не рассматривалась Штабом РККА как признак непосредственной военной угрозы²¹. Н.С. Симонов, напротив, акцентирует роль внешнеполитического кризиса 1927 г. По его мнению, «есть *все* основания утверждать, что фактически с 1928 г. партия и правительство ввели страну в подготовительный к войне период»²². Американская исследовательница С. Стокер придает особое значение дальневосточному конфликту 1929 г. как стимулу для развития советских оборонных приготовлений²³, тогда как Д. Стоун и К. Тэраяма (с гораздо большими основаниями) подчеркивают влияние, которое оказал на соответствующие решения высшего руководства СССР маньчжурский кризис 1931 г.²⁴ Тем более многообразны оттенки суждений историков относительно того, являлись ли эти сдвиги в международном положении СССР причиной или лишь катализатором ускорения военных приготовлений. По мнению автора, возникшей в последние годы дискуссии на этот счет недостает более широкого взгляда на положение СССР в системе международных отношений. Большинство историков, под влиянием дефицита доступа к источникам, отдает слишком щедрую дань традиционным представлениям о безальтернативности внешней политики Москвы, якобы обреченной в 1920-е-начале 30-х гг. противостоять «сильным мира сего» – так называемым версальским державам.

На фоне повышенного внимания исследователей к международным факторам развития советского мобилизационного планирования особенно очевидна слабая изученность его взаимосвязи с внутренним политическим и хозяйственным положением страны, эволюцией политического режима в конце 20-х – середине 30-х гг. Разработка этих проблем до сих пор ограничивалась анализом межведомственных

войны. М., 1995) и статье С. Робертс (*Roberts C. A. Planning for war: The Red Army and the Catastrophe of 1941 // Europe-Asia Studies. 1995. Vol. 47. No. 8. P. 1293-1326*).

²¹ *Samuelson L. Soviet Defence Industry Planning: Tukhachevskii and Military-Industrial Mobilisation. 1926-1937. P. 54-57.*

²² *Симонов Н. С. «Крепить оборону Страны Советов» («Военная тревога» 1927 г. и ее последствия // ОИ. 1996. № 3. С. 158.*

²³ *Stoecker S. W. Forging Stalin's Army: Mikhail Tukhachevsky and the Politics of Military Innovation. Boulder (CO), 1998 (chapter 3).*

²⁴ *Stone D. R. Op. cit. (chapter 6); Terayama K. Soviet policies Toward Mongolia after the Manchurian Incident: 1931–34 // Facets of transformation of the Northeast Asian Countries / Ed. by Y. Tadashi, O. Hiroki. Tohoku Univ., 1998; Тэраяма К. Советская мобилизационная политика на Дальнем Востоке в начале 1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике // Отв. ред. С. Папков, К. Тэраяма. Новосибирск, 2002. С. 98-125, и др.*

конфликтов при подготовке государственного бюджета Союза ССР во второй половине 20-х гг.²⁵ Вместе с тем, новые исследования по истории политического и социально-экономического развития СССР этого периода создают достаточные возможности для анализа указанной взаимосвязи²⁶.

Задачи исследования. Представленный выше анализ изучения советского мобилизационного планирования в международном и внутреннем контексте позволяет определить следующие *задачи исследования*:

- 1) выявить структуру, динамику и масштабы советских мобилизационных приготовлений;
- 2) определить взаимосвязь развития мобилизационного планирования с изменениями политической и экономической стратегии СССР;
- 3) установить соотношение между эволюцией советского мобилизационного планирования и сдвигами во международно-политическом положении СССР;
- 4) реконструировать процесс принятия решений, мотивы и действия высших политических и военных руководителей;
- 5) выявить последствия принятых решений в области мобилизационного планирования для развития вооруженных сил, внешнеполитической деятельности СССР и внутривнутриполитической обстановки во второй половине 30-х гг.

Методология исследования. *Методологической основой* диссертации являются выводы общей теории систем применительно к рассмотрению общественных феноменов и, в особенности, к взаимодействию факторов, традиционно относимых к внутренней, внешней и военной политике. Системный подход, отрицающий монокаузальность как принцип объяснения сложных процессов, утверждает вместе с тем примат отношений между элементами системы, ибо ее конституирует именно

²⁵ В особенности см.: Stone D. R. Op. cit. (chapter 1).

²⁶ См.: Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927-1941. М., 1999; Davies R. W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929-1930 (The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 3). Houndsmills etc., 1989; Idem. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931-1933 (The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4). Basingstoke; L., 1996; Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. L., 1985, и др.

организованная совокупность таких отношений, а не «внутренние» характеристики элементов системы.

Образцом применения этих общенаучных подходов в историческом исследовании являются труды Б.Ф. Поршнева о политике европейских государств в эпоху Тридцатилетней войны. Для творчества этого выдающегося историка характерно сочетание тонкого источниковедческого анализа и теоретической рефлексии по поводу эвристических возможностей марксизма и современных политологических концепций. Б.Ф. Поршнев показал, в частности, сколь условны различия между внутренней и внешней политикой, и выявил основные формы их взаимного опосредования – военная и экономическая (финансовая) политика государства²⁷.

Применительно к сфере военного строительства и планирования системный подход подразумевает формирование суждения об их эффективности, исходя из критериев комплексности и пропорциональности составных частей (элементов), наличия между ними адекватных взаимосвязей и сочленений, вместо того, чтобы фокусировать внимание (к чему нередко побуждают используемые документы) на совокупности количественных показателей. Поучительным примером такого подхода при анализе оборонных приготовлений являются работы Ж. Сапира и Б. Меннинга²⁸. Принципы системного подхода являются адекватными объекту исследования – мобилизационному планированию, которое по своему существу охватывает различные области жизнедеятельности, подчиняя их единой целевой установке.

Для понимания внутренней динамики постреволюционного общества, логики идеологии и новой бюрократии сохраняет свое значение анализ Марксом социально-политической истории Франции. Он, в частности, позволяет осмыслить становление диктатуры, претендующей на представительство широких масс и оказывающейся перед необходимостью преодолеть конфликтные интересы социальных слоев и групп путем конструирования объединяющих их военно-политических задач²⁹.

²⁷ Основные итоги исследований Б.Ф. Поршнева представлены в его монографических работах «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII века» (М.: Наука, 1970) и «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства» (М.: Наука, 1976).

²⁸ См., в частности: *Sapir J. Op.cit.; Menning B. W. Bayonets Before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861-1914. Bloomington and Indianapolis: 1992.*

²⁹ См., в особенности, работы К. Маркса «Святое семейство, или критика критической критики», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

Источники. Комплексный характер исследования обусловил необходимость привлечения разнообразных источников. Подавляющее большинство из них по своему происхождению являются официальными документами органов партийно-государственной власти и союзных ведомств (НКВМ (НКО), НКВД, Госплана СССР и др.).

Изученные *архивные коллекции* Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива военно-морского флота и Российского государственного архива экономики включают:

- серийные материалы: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), протоколы Политбюро ЦК ВКП(б), стенограммы и протоколы Революционного военного совета СССР и Военного совета при НКО СССР;
- постановления Распорядительных заседаний Совета Труда и Оборона и Комиссии Оборона СССР, рабочих совещаний и комиссий;
- доклады Правительственной комиссии 1928 г., Штаба РККА, Организационно-Мобилизационного и других Управлений Штаба РККА вышестоящим органам;
- подготовительные документы ведомств (записки, проекты, черновые материалы);
- инициативные записки и доклады (главным образом, М.Н. Тухачевского и Н.А. Снитко);
- деловую переписку официального и неофициального (личного) характера;
- отчетные, справочные и статистические материалы.

Наибольшее значение для раскрытия процессов мобилизационного планирования имело изучение богатых документальных коллекций РГВА (в особенности, фондов Управления делами НКО, Генштаба РККА, его Материально-Планового и Организационного управлений), а также РГА ВМФ (фонд Управления ВМС РККА). Значительная часть этих материалов представляет собой черновики и отпуски исходящих документов, заверенные и незаверенные копии правительственных постановлений, протоколов комиссий и т.д. Это потребовало внимательного изучения делопроизводственных помет и, в ряде случаев, специальных усилий по уточнению датировки документов. Проведенный анализ показал, что в силу высокой секретно-

сти документов мобилизационного планирования («Совершенно секретно», «Особой важности», «Хранить на правах шифра»), органы центрального аппарата НКВМ стремились максимально сократить подготовительную документацию и количество хранимых копий. Это позволяет полагать, что используемые в данной работе черновые и неподписанные экземпляры отражают завершающую стадию разработки и адекватно воспроизводят окончательные (беловые) тексты документов.

Находящиеся в РГА СПИ официальные документы партийного руководства (фонд ЦК ВКП(б)), наряду с содержащимися в них директивами Политбюро по оборонному планированию, позволяют воссоздать общеполитический контекст мобилизационных решений. Личные фонды Сталина, Ворошилова, Кагановича (прежде всего, деловая переписка) содержат свидетельства о конкретных обстоятельствах и мотивах решений, принимавшихся высшим руководством СССР. Использование материалов нескольких центральных архивов позволило соединить разрозненные свидетельства и проследить процесс выработки решений об оборонном планировании (в частности, материалы Правительственной комиссии хранятся в РГВА и РГАЭ, в РГВА был обнаружен проект постановления Политбюро «О состоянии обороны СССР»).

Почти полная комплектность протоколов РВС СССР и возможность ознакомления с оригиналами (включая приложения) позволяет рассматривать протоколы высшего военного органа в качестве надежного проводника по лабиринтам оборонного планирования. В более широком плане – применительно к обнаружению связи мобилизационного планирования с общими проблемами внутренней и внешней политики – эту функцию выполняют беловые машинописные копии протоколов Политбюро ЦК ВКП(б) (оригиналы и большая часть сопроводительных материалов к ним остаются недоступны). В силу важности и сравнительной компактности этих серийных материалов автором было осуществлено их сплошное обследование за весь рассматриваемый период. Полному просмотру были подвергнуты также стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б), расширенных и специальных заседаний РВС СССР, переписка, хранящаяся в личных фондах К.Е. Ворошилова и Л.М. Кагановича в РГА СПИ. Остальная документация высших партийных, государственных и военных органов была изучена выборочно – с учетом значимости различных документальных

комплексов с точки зрения поставленных исследовательских задач, а также в силу действующих (режимных) ограничений на выдачу архивных дел.

Анализ международно-политического положения, реального состояния взаимоотношений СССР со странами, отнесенными к «ближайшим вероятным противникам», а также оценка стратегического положения СССР его внешнеполитическим ведомством был проведен с использованием документов Архива внешней политики МИД РФ. Основное внимание было сосредоточено на документации о взаимоотношениях СССР с западными соседними государствами, которая представлена в фондах секретариатов наркома, заместителей наркома, члена Коллегии и референтур 1-го и 2-го Западных отделов НКВД. Особую ценность представляют записки наркома иностранных дел и его заместителей в Политбюро ЦК ВКП(б), а также отдельные доклады Бюро международной информации при ЦК ВКП(б), которые отложились в фондах АВП РФ.

Многие документы первостепенной важности остались недоступными. В первую очередь это относится к нерассекреченным материалам Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива и документальным комплексам Архива Президента РФ и Центрального архива Министерства обороны РФ. Некоторые коллекции РГВА и РГАСПИ в середине 90-х подверглись повторному засекречиванию. О содержании части этих материалов можно, однако, судить по публикациям отечественных и зарубежных историков, ранее получивших к ним доступ.

Дополнительные детали, позволяющие оттенить некоторые противоречия рассматриваемых процессов и создать о них более объемное представление, были почерпнуты из материалов разведывательно-аналитических органов Генерального (Главного) Штаба Польши, Военного министерства Великобритании, Военного министерства США, а также дипломатических ведомств этих стран. Соответствующие документальные коллекции хранятся в национальных архивных учреждениях.

Наряду с архивными материалами были широко использованы *публикации документов*, которые можно подразделить на несколько групп. Во-первых, сейчас как никогда ранее можно оценить значимость стенографических отчетов съездов и конференций ВКП(б), съездов Советов СССР, а также опубликованных в последние

годы стенограмм пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг.³⁰ как исторического источника по рассматриваемой проблематике. При сопоставлении с новыми материалами эта документация позволяет полнее судить об изгибах политического процесса, мотивации и политических функциях мобилизационных решений.

Во-вторых, ценнейшим подспорьем для любого исследования советской политики является опубликованная в последнее десятилетие переписка большевистского руководства, преимущественно из личных фондов высших деятелей партии и государства в РГА СПИ.³¹, а также секретарские тетради (журнал) посещений кремлевского кабинета Сталина³².

Третью группу использованных опубликованных источников составляют тематические публикации документов НКВД, НКВМ (НКО), ОГПУ, основанные, как правило, на материалах ведомственных архивов, а также серия изданий материалов Коминтерна.

В-четвертых, при подготовке диссертации была предпринята попытка нового прочтения работ военных и государственных деятелей СССР (прежде всего, И.В. Сталина, М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилова, М.Н. Тухачевского, А.А. Свечина).

В-пятых, была выборочно привлечена мемуарная литература (преимущественно, советских военных работников, занимавших невысокое должностное положение).

Шестую группу материалов составляют материалы центральной советской прессы за 1927-1935 гг., прежде всего подвергнутые сплошному изучению публикации журнала «Война и революция», являвшегося важнейшим форумом обсуждения стратегических и оперативных проблем и военно-экономического планирования.

При анализе содержания архивных и опубликованных документов учитывались их функциональная направленность, целевая аудитория, текущая политическая

³⁰ Как ломали нэп: Стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. В 5-ти томах / Отв. ред. В.П. Данилов и др. М., 2000.

³¹ Большевистское руководство: Переписка. 1912-1927. Сборник документов / Сост. А.В. Квашонкин и др. М., 1996; Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925-1936: Сборник документов / Сост. Л.П. Кошелева и др. М., 1995; Сталин и Каганович: Переписка. 1931-1936 гг. / Составители О.В. Хлевнюк и др. М., 2001; Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин и др. М., 1999.

³² Посетители Кремлевского кабинета И. В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. (Материалы, относящиеся к периоду до 1938 г., опубликованы в

конъюнктура, обстоятельства внутри и межведомственных отношений и личные особенности авторов, что в совокупности оказывало определяющее воздействие на способ артикулирования проблем и предлагаемые решения. Особенностью источниковедческой критики документов высшего политического руководства, прежде всего писем и записок Сталина, являлось внимание к хорошо изученной историками «сигнальной функции» этих зачастую неясных и двусмысленных посланий. Поэтому каждый такой документ рассматривался как заслуживающий специального интертекстуального и ситуационного анализа.

В работе были также использованы аналитические работы зарубежных авторов, преимущественно военных специалистов-эмигрантов и иностранных корреспондентов, непосредственно наблюдавших процесс превращения СССР в сильнейшую военную державу. Некоторые из этих работ интересны преимущественно отражением в них «духа эпохи», другие представляют собой «раннюю историографию» этого процесса.

Научная новизна, практическая значимость и научная актуальность исследования. *Новизна* предлагаемого исследования состоит в комплексном рассмотрении советского мобилизационного планирования 1927-1935 гг. как

- органического сочетания строительства вооруженных сил и экономического планирования на военное время;
- соединения военно-технологического подхода, продиктованного потребностями подготовки к войне, и политических решений, мотивированных интересами и обстоятельствами осуществления внутри- и внешнеполитического курса;
- процесса, осуществляющегося под влиянием развития военно-промышленного комплекса и вооруженных сил в мирное время;
- формы участия военных в осуществлении власти, транслирования их институциональных интересов и характерных для военного мышления представлений на социально-экономическое развитие страны.

«Историческом архиве» в 1994-1995 гг.). В 1999 г. «Исторический архив опубликовал обнаруженные в РГА СПИ «Сводки приема И.В. Сталиным посетителей за 1925-1928 гг.».

Такой подход, связанный с новизной цели и задач исследования, а также с введением в научный оборот соответствующих документальных материалов, позволил прийти к результатам, которые являются новыми для исторического знания.

Практическая ценность данной работы состоит в возможности использовать полученные результаты при дальнейшем исследовании проблем сталинской «революции сверху», истории вооруженных сил, военного и военно-экономического планирования, внешней политики СССР рассматриваемого периода и в более широком временном контексте, а также для подготовки научных биографий Сталина, Ворошилова, Тухачевского и некоторых других героев данного сочинения. Особенно перспективным автор считает вывод о системном сбое советских военных приготовлений в середине 30-х гг., что, возможно, позволит лучше осмыслить причины кризиса советской внешней политики во второй половине этого десятилетия и, в особенности, глубокого социально-политического конфликта, вылившегося в «большой террор» 1936-1938 гг. Наряду с этим, проведенный в диссертации анализ ряда источников может оказаться полезным при подготовке к публикации документов высшего политического руководства и военного ведомства.

Рассматриваемые в диссертации проблемы строительства вооруженных сил на военное время и влияния мобилизационных решений на социально-экономическое развитие страны соотносимы с современной дискуссией о военной доктрине Российской Федерации и могут оказаться востребованными при дальнейшем обсуждении задач реформирования российской армии.

Научная актуальность диссертации определяется прежде всего состоянием современных исследований истории советского общества. 1990-е годы ознаменовались восприятием отечественной историографией «тоталитарной парадигмы» как едва ли не главного способа трактовки советского феномена. Этому способствовало как разочарование в прежней историографической модели, так и совпадение основных постулатов этой концепции с интерпретацией, которую подсказывали будущим историкам сами советские вожди. В документах высшего политического руководства оно, как правило, представлено в качестве всезнающего и всевластного субъекта, всецело определяющего развитие всех сторон общественной жизни и эффективно контролирующей генерируемые им самим исторические трансформации. В этом смысле подходы, характерные для теории тоталитаризма, в значительной мере

воспроизводит образцы официальной историографии. Ограниченность эвристических возможностей этой модели связана как с односторонностью описания сложившейся системы (например, «зрелого сталинизма»), так и с тем, что ее применение приводит к отрыву изучения истории России советского периода от «дореволюционной» и «постсоветской» истории и затрудняет понимание механизмов трансформации российского общества на протяжении XX века при сохранении некоторых важных констант его развития.

Рассмотрение процесса мобилизационного планирования как фактора внешней, военной и экономической политики СССР конца 20-х–середины 30-х гг. подтверждает тезис о примате *политического и идеологического* над экономическим и социальным³³ и одновременно опровергает представление о тотальном контроле Сталина и его сотрудников над этим процессом, о его заданности коммунистической идеологией, предопределенности динамики и результатов³⁴. Анализ обстоятельств и мотивов принимавшихся решений указывает, что возрастание военных приготовлений являлось производным как партийно-классовой идеологии, так и широкого внепартийного воззрения на окружающий мир, обладающего значительной преемственностью по отношению к взглядам элит имперской России, что форсирование хозяйственной модернизации определялось не только доктринальными положениями марксизма-ленинизма, но и потребностями реализации постулатов советской военной теории, что, наконец, активными субъектами политического процесса наряду с партийно-государственным руководством являлись военные профессионалы – руководители РККА.

Подготовка государства к войне, ядром чего является мобилизационное планирование, воплощает важные стороны взаимодействия внутренней и внешней политики и, как показано в диссертации, позволяет проследить их взаимную обусловленность и некоторые механизмы взаимного проникновения. В частности, понятие «внешняя политика», по меньшей мере, применительно к советской истории, не сводимо к дипломатическим и торговым сношениям с другими странами; его неотъемлемой составной частью является военное планирование, через посредство кото-

³³ См., в особенности: *Малия М.* Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. М., 2002.

³⁴ Неутешительный пример приложения концепции тоталитаризма к объяснению роли советского генштаба в 30-е гг. см.: *Seaton A.* Stalin and the Red Army General Staff in the Thirties // *General Staffs and Diplomacy Before the Second World War* / Ed. by A. Preston. Totowa (NJ), 1978. P. 65-76.

рого (особенно его мобилизационного сегмента) функционирование международной системы оказывается в сложной взаимозависимости от развития «отдельных» стран.

Предлагаемая работа соотносится также с исследованиями «гражданско-военных отношений» в России и СССР и с сопряженными с этой проблематикой научными дискуссиями о причинах коллапса советской системы, о роли вооруженных сил в политическом развитии современной России, о необходимости взаимосвязанного определения задач военной реформы и внешней политики. Основные разногласия ученых и экспертов фокусируются на концептуальном определении контроля со стороны гражданского руководства как «субъективного» (опирающегося на политические механизмы и прямое вмешательство политических лидеров в военную сферу) или «объективного» (основанного на отсутствии конфликтов интересов между гражданскими и военными властями). Представленный в диссертации анализ взаимодействия политических и военных лидеров рисует картину скорее их взаимного приспособления, нежели контроля Партии-Государства над военной сферой либо отсутствия принципиальных разногласий между ними, причем это взаимное приспособление оказало глубокое идейное и институциональное воздействие на основы государственного строя. В этом отношении предлагаемая работа может способствовать новому формулированию проблемы и преодолению обозначившихся методологических трудностей в исследовании «гражданско-военных отношений».

Апробация работы. Полный текст диссертации обсуждался на заседании Отдела современной истории России Санкт-Петербургского Института истории РАН 13 ноября 2003 г.

Структура и основное содержание диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы. Первая и вторая главы включают по семь параграфов, третья глава – пять параграфов, четвертая глава – шесть параграфов.

Во введении определены предмет и объект исследования, обоснованы его хронологические рамки, поставлены цель и задачи исследования, изложены его методологические принципы, представлена характеристика архивных и опубликованных источников, проанализировано состояние научной разработки проблемы отече-

ственными и зарубежными историками. Автор высказывает суждение о научной новизне, теоретической и практической значимости своего диссертационного исследования.

Первая глава («Формирование основ мобилизационного планирования (1926-1929 гг.)») открывается характеристикой советского мобилизационного планирования в середине 20-х гг. – его военно-политических установок и институциональной организации. В этой связи кратко рассмотрены взгляды М.В. Фрунзе на задачи подготовки СССР к войне. В результате военной реформы 1924-1925 гг. центром разработки вопросов, относящихся к подготовке к будущей войне вооруженных сил и страны в целом, стал Штаб РККА. Общее руководство мобилизационными приготовлениями в 1925 – начале 1927 г. принадлежало комиссии Политбюро во главе с А.И. Рыковым. С 1926 г. планы мобилизации вооруженных сил и мобилизационная заявка промышленности основываются на пятилетнем плане строительства вооруженных сил на военное и мирное время. В первой половине 1927 г. происходит быстрое становление системы общегосударственного мобилизационного планирования в СССР. Сочетание комиссии Политбюро по оборонным проблемам, Штаба РККА и отдельных мобилизационных органов хозяйственных ведомств трансформировалось в систему постоянных органов мобилизационной подготовки, деятельность которой координировалась Распорядительным заседанием Совета Труда и Оборона под руководством А.И. Рыкова и Я.Э. Рудзутака. Проведенный анализ позволяет утверждать, что непосредственное влияние «военной тревоги» 1927 г. на организацию подготовки страны к войне было ограниченным и почти не сказалось на планах военного строительства. Вместе с тем международный кризис и внутрипартийная борьба, развернувшаяся в связи с ним в 1927 г., существенно изменили политические условия развития страны и тем самым оказали долговременное воздействие на мобилизационную подготовку, ее превращение к исходу 20-х гг. в одно из приоритетных направлений деятельности государства.

Мобилизационная подготовка и военное строительство с 1928 г. осуществлялось, исходя из необходимости не уступать в численности ближайшим вероятных противников СССР (под которыми понимались главным образом силы западных соседних государств) и превосходить их по двум-трем основным видам вооружения (артиллерия, авиации, танки и бронемашин). В условиях пересмотра основ поли-

тического и экономического курса в 1928-1929 гг. эффективность системы мобилизационного планирования оказалась весьма ограниченной. Необходимость первоочередной реконструкции хозяйства, низкая согласованность действий участников планового процесса, внутриведомственные разногласия (особенно остро проявившиеся в Наркомате по военным и морским делам весной 1928 г. и приведшие к отставке Тухачевского с поста Начальника Штаба РККА) серьезно осложнили формирование планов развития вооруженных сил и военно-экономической подготовки на первый период пятилетки (1928/29-1930/31 гг.). Решения, принятые РЗ Совета Труда и Оборона по итогам работы Правительственной комиссии в июле-августе 1928 г. ограничивали численность развертываемых по мобилизации вооруженных сил 3 000 тыс. чел. Утвержденная СТО мобилизационная заявка НКВМ предусматривала реалистические ориентиры для подготовки промышленности к обеспечению потребностей войны (в частности, производственные мощности должны были быть доведены до уровня, обеспечивающего выпуск 5 млрд винтовочных патронов и 45 млн артиллерийских снарядов в год войны)³⁵.

Следующим этапом в развитии мобилизационных приготовлений явилось комплексное рассмотрение проблем обороны СССР в Политбюро ЦК ВКП(б) и принятие им постановления «О состоянии обороны СССР» (июль 1929 г.). Этим постановлением санкционировалась оборонная доктрина СССР и определялись основные параметры вооруженных сил на военное время, включая увеличение числа артиллерийских орудий до 12,9 тыс., самолетов до 3,5 тыс. и танков до 4,5-5,5 тыс. единиц. Тем самым были установлены новые задачи народного хозяйства по обеспечению армии мирного времени и подготовке его перехода на военные рельсы. Решение Политбюро 1929 г. определило как направления развития военной мощи и наметило развертывание непосредственных приготовлений к войне одновременно с реконструкцией народного хозяйства.

Во второй главе «Переход к реконструкции РККА как основе мобилизационного планирования (конец 1929 – начало 1931 г.)» исследуется процесс изменения парадигмы мобилизационной подготовки в связи со сталинской «революцией сверху», социально-политическим и внешнеполитическим кризисом начала 1930 г., противоречиями военно-экономического планирования и развернутой Тухачевским

³⁵ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1. Д.37. Л. 166-168.

кампанией за ускоренную перестройку и перевооружение Красной армии. Эти предложения, выдвинутые Тухачевским в его записках конца 1929 – начала 1930 г., были подвергнуты серьезной критике Наркомом Ворошиловым и Начальником Штаба РККА Шапошниковым. Несмотря на то, что их позиция была энергично поддержана Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), характерный для Тухачевского милитаристский подход к определению задач подготовки страны к войне сказался на результатах разработки плана строительства вооруженных сил на конец пятилетки весной 1930 г. Вскоре после принятия этого плана РВС СССР (июнь 1930 г.) по инициативе Сталина перед высшими военными органами была неожиданно поставлена задача перестройки мобилизационных планов и резкого (примерно в полтора раза) увеличения выставляемых по мобилизации сил. Новая программа строительства вооруженных сил на конец пятилетки, разработанная осенью 1930 г. и утвержденная в январе 1931 г., удовлетворяла этим условиям. Наметившийся весной 1930 г. поворот в мобилизационном планировании и военном строительстве обрел полную силу.

Этот крупный сдвиг совпал с нарастанием противоречий военно-экономического планирования и растущей неспособностью Распорядительных заседаний СТО координировать оборонные усилия различных ведомств. В декабре 1930 г. одновременно с отстранением Рыкова от руководства правительством СССР, РЗ СТО был упразднен. Полномочия по руководству военными и военно-экономическими приготовлениями были сосредоточены в постоянной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР во главе с новым главой правительства В.М. Молотовым (Комиссия Обороны). Таким образом, в конце 1930 – начале 1931 г. кризис мобилизационного планирования был разрешен способом, который стал отличительной чертой сталинской системы, – организационной реформой и установлением более жесткого контроля над общегосударственными военными приготовлениями, вкуче с определением существенно более высокого уровня требований к масштабам мобилизационного развертывания вооруженных сил и их насыщенности современным вооружением.

Характеризуя смысл этих драматических перемен, автор приходит к выводу, что взаимное притяжение различных по своему происхождению тенденций – олицетворявшегося Сталиным курса на ускоренное и насильственное преобразование

экономической и социальной структуры, инициированного Тухачевским форсирования военных приготовлений – привело к образованию гремучей смеси нового советского милитаризма. Опосредующим фактором и катализатором этого процесса явилась резко усилившаяся весной 1930 г. тревога по поводу двойного вызова – со стороны подвергнутого коллективизации крестьянства и со стороны потенциальных внешних противников, прежде всего Польши. Под давлением «малой военной тревоги» противникам форсированной милитаризации в руководстве НКВМ удалось лишь замедлить процесс переноса «большевистских темпов» на область военного строительства на военное время. Реконструкция хозяйства как условие эффективных мобилизационных приготовлений была дополнена реконструкцией Красной армии, что придало им новый темп и значение.

В третьей главе («Формирование консолидированного подхода к мобилизационному планированию и его развитие в 1931-1932 гг.») рассматриваются проблемы, связанные со следующим этапом мобилизационных приготовлений. Перестановки в руководстве военного ведомства и назначение Тухачевского Заместителем Наркома по военным и морским делам в середине 1931 г. ослабили влияние Ворошилова и его сторонников, вынужденных к тому же согласиться с быстрым перевооружением РККА и расширением ее штатов на военное время. В 1931-1932 гг. в военно-политическом руководстве фактически обозначилась «ось» Сталин–Тухачевский, обороты которой через систему трансмиссий (в Комиссии Обороны и НКВМ) оказывали все большее влияние на систему подготовки СССР к «большой войне». Своеобразной декларацией создания этой «оси» стало письмо Сталина Тухачевскому (май 1932 г.), в котором Генеральный секретарь, возвращаясь к конфликту двухлетней давности, признавал неправильными свои прежние оценки и предлагал ориентироваться на развертывание по мобилизации «6-ти миллионной армии, хорошо снабженной техникой и по-новому организованной».

Если до конца 20-х гг. военные проблемы находились на периферии внимания Сталина, то с 1931 г. он начинает вплотную заниматься не только общими, но и частными задачами подготовке к войне. Как явствует из анализа решений КО, именно Сталину принадлежала инициатива неожиданного рассмотрения и принятия в июле-ноябре 1931 г. амбициозной программы строительства военного флота³⁶.

³⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 497. Л. 1.

Вслед за этим, в феврале 1932 г. Комиссия Оборона утвердила грандиозный план производства к концу года 10 тыс. танков. В новых мобилизационных расписаниях (на 1932 и 1933 гг.) был достигнут и превзойден рубеж развертывания армии численностью 4,5 млн чел.³⁷ Таким образом, растущее социальное напряжение и хозяйственные провалы (включая невыполнение программ военного производства) не удержало советское руководство от радикализации мобилизационных задач. Эта тенденция достигла своей кульминации в середине 1932 г.; она нашла яркое выражение в письме Сталина Тухачевскому (6 мая 1932 г.), в котором была сформулирован новый ориентир мобилизационного планирования – подготовка к развертыванию шестимиллионной армии. Сравнительно более реалистический подход к определению темпов и масштабов военно-экономических приготвлений возобладал во второй половине 1932 г., что отражало тенденции к сбалансированности развития различных отраслей, ограничению инвестиций и стабилизации финансов.

Расширение военных приготвлений с конца 1931 г. в значительной мере мотивировалось ухудшением международного положения СССР в результате японского вторжения в Северный Китай. По мнению автора, разрастание дальневосточного кризиса, хотя и привело к перераспределению вооруженных сил и мобилизационных ресурсов между предполагаемыми театрами военных действий, не являлось причиной форсирования советских военных приготвлений. Вместе с тем, японо-китайский конфликт актуализировал необходимость оборонных приготвлений, придал им характер естественной реакции на угрозу безопасности СССР и облегчил концентрацию соответствующих военно-экономических усилий. С другой стороны, значительная стабилизация положения СССР в Европе, достигнутая благодаря заключению в 1932 г. пактов о ненападении с Францией, Польшей, странами Балтии, позволила Советскому Союзу продолжать масштабную техническую реконструкцию и военное строительство в расчете на дальнюю перспективу.

Мобилизационное планирование в начале 30-х гг. строилось на ложной предпосылке о возможности сочетать техническое перевооружение РККА с сохранением смешанной системы комплектования вооруженных сил мирного времени, с повышением удельного веса территориально-милиционных формирований. Позволя ограничивать рост Красной армии мирного времени в условиях радикализации

³⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 22. Л. 321-322; Там же. Оп. 14. Д. 754. Л. 1.

мобилизационных планов, этот подход вел к снижению боевой эффективности, обострял дефицит технических специалистов, создавал потенциальные трудности при осуществлении мобилизационного развертывания.

Четвертая глава («Мобилизационное планирование на 1934-1938 гг. и общий кризис оборонных приготовлений») посвящена сдвигам в мобилизационном планировании в 1933-1935 гг. и комплексной оценке военных приготовлений СССР ко второй половине предвоенного десятилетия.

Вступление СССР в период более сбалансированного экономического развития и формирования общенационального социально-политического единства (1933-1936 гг.) сопровождалось отказом от наиболее фантастических проектов пятилетнего плана мобилизационной подготовки, основанных на экспоненциальном возрастании военной мощи. В 1933 г., по оценке советских военных руководителей, Красная армия стала сильнейшей армией мира. Полученный ранее импульс продолжал, однако, действовать, что определило постановку новых высоких заданий по развитию вооруженных сил и военно-экономического потенциала на перспективу возникновения в 1938 г. войны между СССР и коалицией мировых держав. Мобилизационные планы 1934 г. предусматривали развертывание армии в 4,8 млн человек, включавшей 149 стрелковых и 22 кавалерийских соединения, 14 танковых и механизированных бригад, 32 авиационных бригады, оснащенных примерно 12 тыс. орудий (среднего и крупного калибра), 3,5 тыс. самолетов и 9 тыс. танков. Быстро наращивались морские вооружения³⁸. Мобилизационная заявка военного ведомства 1933 г. определяла необходимость развития военно-экономического потенциала в перспективе производства, в случае возникновения войны в 1938 г., 30 тыс. самолетов, 45 тыс. танков, 48 тыс. орудий и 170 млн. снарядов. Эти нереальные планы ложились тяжелым бременем на экономику страны и создавали ложные ориентиры военного планирования.

Во второй половине 1933 г. высшее руководство СССР пришло к выводу о необходимости сближения с Францией и другими государствами, заинтересованными в сохранении европейского статус-кво от покушений на него со стороны национал-социалистской Германии. Однако лишь почти год спустя новые внешнеполитические ориентиры стали оказывать воздействие на советские военно-

³⁸ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1. Д. 1482. Л. 13.

стратегические установки и мобилизационное планирование. С конца 1934 г. в основу оценки внешней угрозы был положен тезис о складывании германо-польско-японского блока, направленного против СССР. Сохранение граничившей с Советским Союзом Польши в составе его вероятных противников придавало действительной угрозе со стороны Германии смысл непосредственной опасности. Тем самым был предопределен новый виток военных приготовлений в 1935 г., причем основная ставка была сделана на организационное расширение базы мобилизации вооруженных сил и их перевод на кадровое положение, что привело к резкому возрастанию численности армии мирного времени. Если с 1932 г. производство вооружений осуществлялось в масштабах, приближенных к требованиям военного времени, то в 1935-1936 гг. к аналогичному состоянию были приведены состав и структура самих вооруженных сил. Это позволяет оценить уровень военных приготовлений к началу 1936 г. как вступление СССР в предмобилизационный период.

Многовекторность мобилизационной подготовки Красной армии и советской экономики не означали ни сбалансированности предпринимаемых мер, ни повышения слаженности и боевой подготовки вооруженных сил, ни должного учета роли военно-экономической инфраструктуры (прежде всего, развития путей сообщения) для эффективного использования огромных людских и материальных ресурсов. Напротив, импульсивный характер принятия решений, их количественный размах и интенсивность, сосредоточение на «символических» плановых показателях привели к фетишизации отдельных факторов мобилизационной подготовки, перенапряжению военного аппарата и накоплению быстро устаревающих вооружений. Совокупность этих противоречий автор оценивает как системный кризис советских военных приготовлений.

Заключение содержит обобщенные результаты диссертационного исследования. Рассмотрение континуума мобилизационных работ в контексте внутренней политики и международно-политического положения СССР, эволюции взглядов высшего политического руководства на задачи и методы подготовки к войне и принимавшихся им решений, деятельности военного ведомства и других органов приводит к выводу об отсутствии прямой функциональной зависимости между изменениями внешнеполитического положения СССР, с одной стороны, и мобилизационным планированием, решениями по оборонным вопросам – с другой. Вместе с тем

исторический анализ проблем мобилизационного планирования опровергает распространенные представления об изначальности и неизменности установок советского руководства (и, в частности, Сталина) на подготовку страны к войне и наращивание военной мощи, об абсолютной идеологической заданности масштабных военных приготовлений.

Развитие советского мобилизационного планирования определялись, по мнению автора, сложным взаимодействием внутренних и внешних обстоятельств, анализа опыта первой мировой войны и практики работы советских военных и хозяйственных органов, идеологических императивов и полусознанных страхов.

Переплетение внутривластной борьбы и внешнеполитического кризиса весны-лета 1927 г. привело к актуализации проблем «социализма в одной стране», фокусирувавшихся на задаче удержания большевиками власти и модернизации страны в перспективе ее вооруженного столкновения с капиталистическим миром. Принятые в первой половине 1927 г. решения по созданию общегосударственной системы оборонной подготовки являлись преимущественно реакцией на проявившиеся ранее трудности рационального использования ограниченных военно-экономических ресурсов и не привели к эскалации военных приготовлений. В целом мобилизационное планирование в 1928-1929 гг. оставалось в рамках оборонной достаточности. Этому способствовало и сравнительно устойчивое международно-политическое СССР в конце 20-х гг. Кризис международного положения СССР в начале 1930 г., в значительной мере спровоцированный насильственной коллективизацией и другими мерами советской власти, побудил руководство страны принять меры к повышению мобилизационной готовности на период весны-лета 1930 г., но непосредственно почти не сказался на проекте строительства Красной Армии на конец пятилетки.

Однако несколькими месяцами позже Сталин инициировал пересмотр существующих мобилизационных планов и системы руководства оборонными приготовлениями, который был в основном завершен на рубеже 1930–1931 гг. От доктрины, предписывавшей сохранение численного паритета с соединенными армиями западных соседних государств при техническом преобладании над ними, произошел переход к постановке задач всестороннего военного перевеса над силами этих государств. К началу второй пятилетки страна должна была быть готова выставить

армию, не уступающую по численности армии 1914 г. и обладающую самыми крупными в мире авиационными и танковыми силами. Реконструкция Красной Армии требовала крайнего напряжения сил страны. Политические решения конца 1930–начала 1931 г. были подготовлены и приняты в один из самых спокойных периодов международного развития, что побудило советское руководство инсценировать обстановку внешнеполитического кризиса. Организованный осенью 1930 г. судебный процесс «Промпартии», стержнем которого являлось «доказательство» подготовки Францией нападения на Советский Союз в 1930–1931 гг., спровоцировал обострение отношений с нею и осязаемое усиление внутривнутриполитической напряженности. Тем самым была подготовлена почва для развертывания грандиозных оборонных приготовлений, приобретших в 1931–1932 гг. собственную инерцию и логику. Ни вторжение Японии в Северный Китай, ни беспрецедентное улучшение отношений СССР с западными соседними государствами и Францией в конце 1931–1932 гг. не вызвали существенных новаций в процессе постановки и реализации общих задач подготовки к будущей войне. Этот вывод в основном применим и к реакции военно-политического руководства СССР на утверждение гитлеровской диктатуры. В 1933 г. Красная Армия получила установку готовиться к успешной борьбе с коалицией империалистических держав, однако лишь к началу 1935 г. Германия была включена в перечень основных вероятных противников СССР. Составленные в 1934 г. мобилизационные планы на ближайшие два года предусматривали развертывание сил в масштабах, намеченных на этот период еще в 1930–1932 гг. В начале 1935 г., под непосредственным воздействием ремилитаризации Германии и неудачи попыток вовлечь Польшу в сферу советского влияния, в Кремле было решено вновь активизировать и расширить подготовку вооруженных сил к большой войне, и в частности соответствующим образом реорганизовать армию мирного времени.

Таким образом, лишь к середине 30-х гг. определяется прямая зависимость сдвигов в мобилизационном планировании от перемен во внешнеполитическом положении и поведении СССР. Это явление может быть объяснено действием многообразных политических и организационных факторов. Важнейшим среди них являлось отсутствие реальной, непосредственной и масштабной угрозы безопасности Советского Союза со времени его образования и до конца 30-х гг. С другой сторо-

ны, традиция обсуждения партийным руководством общих вопросов дипломатии во взаимосвязи с военными задачами к началу второго послереволюционного десятилетия исчезла. Подавление внутрипартийной дискуссии сочеталось с институциональным разделением внешнеполитической и мобилизационной проблематики

Монопольное право на обсуждение и вынесение решений, относящихся одновременно к ведению мира и подготовке к войне принадлежало руководящей группе Политбюро ЦК ВКП(б). С конца 20-х гг. реальная власть сосредоточилось внутри узкого круга советских вождей – завсегдатаев кремлевского кабинета Сталина и одновременно членов Комиссии Обороны. Кроме самого Сталина с начала 30-х гг. к этой группе принадлежали В. М. Молотов, Л. М. Каганович, Г. К. Орджоникидзе и К. Е. Ворошилов; в предшествующий период (1927-1929 гг.) существенную роль в формировании важнейших решений по проблемам внешней политики и оборонной приготвлений играл А. И. Рыков (и, отчасти, Н. И. Бухарин и Я. Э. Рудзук). Определяемое таким образом высшее «военно-политическое» руководство совпадало с «хозяйственно-административным» и «партийно-политическим». Это во многом объясняет синкретическое единство различных аспектов генеральной линии и подверженность каждого из них общим колебаниям этой линии или частным кризисам в ее проведении.

Приведенные в диссертации материалы показывают зависимость решений по строительству вооруженных сил на военное и мирное время, по размерам мобилизационной заявки и соответствующим инвестициям в оборонную промышленность от хозяйственного положения. Тщетно, однако, было бы искать в этой сфере источник, определявший общую динамику и логику мобилизационного планирования: наиболее авантюристические решения о развертывании мощностей по производству десятков тысяч танков и сотен военных кораблей были приняты в период лета 1931 – весны 1932 г., отмеченных жесточайшим дефицитом ресурсов, назреванием массового голода (и, в частности, критическим сокращением мобилизационных запасов в вооруженных силах). В свою очередь, планы мобилизационной подготовки являлись механизмом балансирования факторов вооруженной борьбы с учетом внутренних возможностей и перспектив развития экономики (как их понимало большевистское руководство), но и служили инструментом ее подстегивания, административно-политического принуждения субъектов хозяйствования.

Объяснение трансформации военно-мобилизационного планирования, по мнению автора, может быть найдено в логике социальной мобилизации. Нэп не избавил власть от ожидания нового Кронштадта, идущих ему на подмогу крестьянских восстаний, «националов», иностранных держав. Критика механизмов нэпа, развернутая Сталиным с 1928 г., основывалась на необходимости как социально-экономической модернизации страны (неотложной ввиду существования внешней угрозы), так и создания условий, исключающих повторение хлебозаготовительных кризисов, чреватых массовым недовольством и ослаблением социалистического государства перед лицом внешних и внутренних противников. «Военная тревога» начала 1930 г. обнажила главный – внутренний – источник перманентного страха властей перед внешним столкновением: они боялись, что общественный кризис спровоцирует интервенцию, массовые протесты в западной части СССР создадут силовой вакуум, который будет заполнен иностранным вмешательством, повторится исторический сценарий Смуты, государство расползется по национальным швам, большевистская диктатура падет. Несмотря на эти опасения, партийное большинство отвергло путь эволюционного изживания антагонизма между обществом и властью и решилось на его сознательное обострение. «Вторая революция» должна была положить конец «жизни на вулкане», переустроить и спаять страну, но вначале разорить и расколоть ее, рискуя «значительно сократить сроки “передышки”» (Сталин. 1930 г.). Она нуждалась в решениях, содержащих в себе собственное оправдание, решениях крупных, интегральных, вбирающих в себя идеологию и социальную психологию, экономику и военное дело, внешнюю и внутреннюю политику. Избранная в 1928–1929 гг. стратегия должна была поэтому потребовать грандиозных оборонных усилий, излишних для национального государства со стабильным внутренним строем, универсального надпартийного обоснования людских жертв, беспрецедентных в мирное время.

Это обстоятельство привело к переосмыслению понятия «оборонного императива», который вплоть до 1929-1930 гг. понимался правящим большинством как требование к расширению экономической базы подготовки к войне, общего развития хозяйства и его всесторонней мобилизационной подготовки при постепенном развитии военного аппарата. Развитие вооруженных сил осуществлялось на принципах соразмерности с имеющимися хозяйственным возможностям и предотвраще-

нии «омертвления» инвестиций в виде накопления избыточных запасов вооружения и военных материалов в мирное время. Эта разумная линия, отстаивавшаяся Наркомвоенмором Ворошиловым и Председателем СНК Рыковым, начиная с 1930 г. столкнулась с мощным противодействием. Непосредственными факторами пересмотра основ мобилизационного планирования явились, с одной стороны, сверхнапряженность плановых заданий подготовки экономического развертывания на военное время, результатом чего явилась очевидная нереальность планов промышленной мобилизации и растущее разочарование в них со стороны участников мобилизационного планирования. С другой стороны, кампания за перенос «большевистских темпов» на область мобилизационной подготовки и военного строительства успешно использовала как политическую конъюнктуру, так и профессиональные интересы военной элиты. Это позволило Тухачевскому добиться поддержки со стороны значительной части военного руководства и, что явилось решающим обстоятельством, со стороны Генерального секретаря ЦК ВКП(б). По своему существу противостояние Ворошилова и Тухачевского, приобретшие особенно острые формы в 1930 г., отражало конфликт между направляемым, но все же органическим развитием и «целевым планированием», в соответствии с которым действительность «втаскивается» в идеальную, «инновационную» модель, «пригоняется» к ее требованиям, к видению будущего (будущей войны, будущего хозяйства или будущего общества). После того как эти тенденции возобладали, Ворошилов утратил возможность сопротивляться военным технократам и фактически потерял решающее влияние на политику военного ведомства.

Изменение позиции Сталина обуславливалось прежде всего внутренним родством стратегии насильственной модернизации страны и милитаристского мышления в условиях кризиса легитимности «рабоче-крестьянской власти». В конце 1930 – начале 1931 г. правящий режим отыскал свой волшебный эликсир, «способный двигать горами, способный творить чудеса», – «революционную национальную гордость». Положив начало ускоренной реконструкции РККА и требуя выполнения ирреальных хозяйственных планов, Сталин провозгласил «национальную идею» – «Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». После десяти лет «отступления» и «маневра» основополагающими обозначениями социального порядка стали понятия «развертывания», «мобилизации», «переворужения». Стратегия «наступления со-

циализма по всему фронту» заново легитимизовала организованное насилие как сущность социального порядка, тем самым низводя войну до роли отдельного проявления общего жизнеустройства и возвышая подготовку к войне до наиболее полного воплощения имманентных ему черт.

В 1928-1929 гг., на первом этапе развертывания мобилизационных приготовлений в СССР были подавлены тенденции к органическому и сбалансированному развитию общества, утвердились принципы социальной механики и социального конструирования и вытекающая из них политика тотальной мобилизации и насилия. На втором его этапе (1931-1935 гг.) свойственные этой политике игнорирование органических связей и форсирование количественной экспансии любой ценой были перенесены на область военного строительства и военно-экономических приготовлений.

Избранный советским руководством путь вел не только утверждению первенства военных приготовлений над социальными задачами, но и к гипетрофированному развитию вооруженных сил мирного времени в ущерб планомерному и сбалансированному наращиванию мобилизационной подготовки военного аппарата и страны в целом. Задача выпуска быстро устаревающих вооружений и расширения производственных мощностей для выполнения ирреальных требований мобилизационной заявки НКВМ-НКО оттеснила на задний план развитие военно-экономической инфраструктуры и разработку планов мобилизации всего народного хозяйства. В итоге уже в 1935-1936 гг., прежде чем угроза войны обрела отчетливые очертания, СССР вступил в предмобилизационный период.

В середине 30-х гг. высшее политическое руководство оказалось перед лицом самовозрастания мобилизационных приготовлений, механизм которого был порожден противоречиями послереволюционного развития страны и сталинской стратегией «быстрого решения». Партийно-государственные и военные руководители оказались заложниками принятых ими решений о строительстве вооруженных сил и военно-экономической подготовке, обусловленных масштабами мобилизационной усилий требований к экономике и внешней политике страны, к участию военных в функционировании высшей государственной власти. Обозначившийся к середине 30-х гг. системный кризис советских военных приготовлений не мог быть преодолен в рамках утвердившейся парадигмы подготовки страны к войне и пар-

тийно-советской системы. Этот кризис усугубил нараставшее в СССР социально-политическое напряжение и породил потребность в силовом политическом решении.

Возобладавший в советском руководстве подход к мобилизационному планированию, приведя к созданию обширной системы военно-экономических и организационных приготовлений и концентрации огромных хозяйственных и кадровых ресурсов в ущерб социальным и экономическим задачам, не обеспечил ни стабильного развития вооруженных сил, государства и страны в целом во второй половине 30-х гг., ни их адекватной подготовленности к Отечественной войне.

Основное содержание диссертационного исследования представлено в монографии автора «Мобилизационное планирование и политические решения (конец 20-х – середина 30-х годов)» (СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2002 (рец. к.и. н. В.В. Лапин, А.Н. Чистиков). 470 с; авторский текст 22 п. л.), а также во вступительной статье и комментариях к публикации документов: «Моя оценка была слишком резкой»: Сталин и реконструкция РККА // Исторический архив. 1998. № 5-6. С. 145-152; авторский текст 0,3 п. л.

Основные положения настоящей диссертации (по проблемам внешнеполитического и военного планирования, организации органов власти и процедур принятия решений) отражены в следующих работах:

1. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. Проблемы – Документы – Опыт комментария. Часть 1. 1928-1934. СПб.: Европейский дом, 2000. 703 с. 44 п. л. (в соавторстве с А.И. Рупасовым).
2. Чехословакия в политике Москвы (1932–1936 гг.) // Россия XXI. 1996. № 7-8. С. 52-71; 1996. № 11-12. С. 82-112; 1997. № 1-2. С. 62-86. 3 п. л.
3. «Alarm wojenny» wiosną 1930 roku a stosunki sowiecko-polskie // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. T. XXXV (1999). S. 41-74. 2,5 п. л.
4. Московский протокол или Варшавский пакт? // Россия и мир: Сборник памяти Ю.В. Егорова / Под ред. А.А. Фурсенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002 С. 223-233. 0,5 п.л. (в соавторстве с А.И. Рупасовым).

5. Карл Радек и Бюро международной информации ЦК ВКП(б), 1932-1934 гг. // Cahiers du monde russe, soviétique and post-soviétique. Janvier-mars 2003. Т. 44. No. 1. P. 135-178. 3,5 п. л.
6. Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930-1932 гг.). СПб.: Изд-во ПИЯФ РАН, 2003. 130 с. 9 п. л.